

ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

С.Л. ФРАНКА (АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПРЕДМЕТНОСТИ»)¹

О.В. Шалыгина

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Аннотация: В докладе анализируется взаимосвязь категорий целостного анализа литературных произведений с основными категориями теории познания С.Л. Франка, выделено значение критических работ В. Соловьева и С.Л. Франка о Тютчеве для осознания особого типа русской философской мысли в рамках русской религиозной философии. В частности, рассматривается понятие «предметности». У В. Соловьева понятие «предметной истины» или убеждение поэта в «действительности того, что чувствовал», способность его «воплощать в осязательных образах тот самый высший смысл жизни» противопоставлено вымыслу, попыткам «украшать действительность приятными вымыслами живого воображения». С.Л. Франк дает развернутый анализ данного понятия в работах «Предмет знания» и «Непостижимое», связывая такие категории как «содержание», «предмет знания», со временным и вневременным существованием «всеединства» и вводя понятие «металогического единства» как способ преодоления противостояния «субъекта» и «объекта» в познании. Таким образом, продолжая линию В. Соловьева, С.Л. Франк уравнивает значение научного и художественного типов познания. Учет особенностей онтогносеологического метода, лежащего в основе целостной мировоззренческой системы С.Л. Франка, позволяет иначе взглянуть на значение его литературно-критической и редакторской деятельности, открывает новые исследовательские перспективы.

Ключевые слова: русская религиозная философия; С.Л. Франк, онтогносеология, Всеединство, металогическое целое, целостный анализ литературного произведения, история русской литературы.

Проблеме литературной критики С.Л. Франка посвящено не так много работ, как она того заслуживает. Прежде всего необходимо указать на статью Д.И. Чижевского «Франк как историк философии и литературы»² (1954); раздел «Франк о Достоевском и Пушкине; о консерватизме Франка»³ во вступительной статье А.А. Ермичева к сборнику «Русское мировоззрение», где были опубликованы основные критические статьи С.Л. Франка (1996); критические статьи С.Л. Франка, публиковавшиеся в «Русской Мысли» описаны в указателе содержания журнала

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) / This scientific investigation was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

² Чижевский Дм. Франк как историк философии и литературы // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. О. Василия Зеньковского ; при участии Н.С. Арсеньева [и др.]. - Мюнхен : [Б. и.], 1954. С. 157-175.

³ Ермичев А.А. Вступительная статья // Русское мировоззрение : [Сборник] / С.Л. Франк; [Вступ. ст. А.А. Ермичева, с. 5-36]. - СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. С. 30-33.

за 1907-1918 гг. (2003)⁴; в разделе «С.Л. Франк: непосредственный опыт и цельный опыт “живого знания” (1914-1918)» А.А. Гапоненковым проанализирован один из самых интересных для истории русской литературы период работы Франка в качестве редактора отдела беллетристики «Русской Мысли»⁵ (2004); в сборнике «С.Л. Франк. Саратовский текст» (2006) А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина впервые опубликовали лекцию С.Ф. Франка «<О сущности искусства>»⁶, прочитанную философом в 1918 году в Саратовском университете. Следует отметить также главу «Концепция “русского мировоззрения” в системе С.Л. Франка» о духовном мире А.С. Пушкина, христианском гуманизме Ф.М. Достоевского и христианском радикализме Л.Н. Толстого в кандидатской диссертации С.В. Никулина «С.Л. Франк как историк русской философской культуры»⁷ (2007); статью С.В. Кековой «Литературная критика С.Л. Франка»⁸, в качестве стержневых для анализа избравшей труды Франка о творчестве А.С. Пушкина (2008), работы Оксаны Назаровой, в частности, ее статью «Немецкие публикации Семена Людвиговича Франка об Александре Сергеевиче Пушкине»⁹ (2016), а также публикацию К.В. Артем-Александрова статьи С.Л. Франка «Гете в России»¹⁰ (2014).

Особое значение для истории и теории литературы имеет сборник статей С.Л. Франка «Живое знание»¹¹ (1923), в котором им были опубликованы ранние работы: «Гносеология Гете» (1910) и «Космическое чувство в поэзии Тютчева» (1913) в контексте других философских работ, но именно эти две он обозначил как «метафизические». Д.И. Чижевский отмечал, что немногочисленные статьи Франка, посвященные поэтам и писателям, «бросают лучи света в область, которой русские философы занима-

---

⁴ Гапоненков А.А., Клейменова С.В., Попкова Н.А. Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907-1918 гг. М.: Рус. путь, 2003. 398 с.

⁵ Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907-1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2004. 228 с.

⁶ Франк С. Л. <О сущности искусства> // С.Л. Франк. Саратовский текст / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского; [сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина]. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 283 с. С. 168-178.

⁷ Никулин С.В. С.Л. Франк как историк русской философской культуры: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03. - Москва, 2007. - 127 с.

⁸ Кекова С.В. Литературная критика С.Л. Франка // Философское наследие С.Л. Франка и современность. Материалы межд. конф. Сб. науч. ст. - Саратов: Изд. Центр «Наука», 2008. С. 46-55.

⁹ Назарова О. Немецкие публикации Семена Людвиговича Франка об Александре Сергеевиче Пушкине // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Відп. ред. Г. Аляєв, Т. Суходуб. Полтава: ООО «АСМІ», 2016. С. 490-498.

¹⁰ Артем-Александров К.В. Малоизвестная статья С.Л. Франка о восприятии Гете в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15. Выпуск 3. С. 107-117.

¹¹ Франк С.Л. Живое знание. - Берлин: Обелиск, 1923. 264 с.

лись редко, а русские историки литературы еще реже и обычно без достаточной философской подготовки. Между тем эта область – идейное содержание и значение русской литературы – одинаково интересна и для историков философии и для истории литературы»¹², однако, по замечанию Чижевского, «чисто историко-литературной работой является прежде всего статья о Тютчеве и отчасти о “Гносеологии Гете”»¹³.

В работе Франка о Гете 1910 года содержится основной комплекс идей его философской системы, наиболее полно выраженный позднее в «Предмете знания» и знаменитом труде «Непостижимое». «Обычное утверждение, что “поэт мыслит образами”, - отмечает С.Л. Франк, - в буквальном и потому совершенно исключительном смысле применимо к Гете и выражает его теорию познания. Поэтическое уяснение правды через типический образ есть для Гете подлинное познание, единственный правильный прием для постижения истины. Эта особенность его гносеологии была еще при жизни Гете подмечена и определена, как “предметное мышление” (“das gegenständliche Denken”) и сам Гете приветствовал это обозначение, как выражающее сущность его метода»¹⁴. Здесь С.Л. Франк отсылает к «Антропологии» Хейнрота и статье Гете “Значительный импульс от единственного остроумного слова”.

В этой отсылке присутствует значительный для Франка смысл, так как именно через категорию «предметного мышления» он будет доказывать равноправие научного и художественного типов познания. Но это равноправие возможно только в том случае, когда и научное, и художественное творчество направлены к познанию целого особым способом. «В своей “Антропологии”, - пишет Гете, - произведении, к которому мы многократно будем возвращаться, господин д-р Хейнрот благоприятно отзывается обо мне и моей деятельности, он даже определяет мою манеру исследования как своеобразную: именно, что моя мыслительная способность проявляется предметно; этим он хочет сказать, что мое мышление не отделяется от предметов, что элементы предметов, созерцания входят в него и интимнейшим образом проникаются им; что само мое созерцание является мышлением, мое мышление - созерцанием; и такому способу названный друг не отказывает в своем одобрении»¹⁵. Отвечая на данную характеристику, Гете распространяет этот тип мышления на обе сферы своей деятельности: художественную и научную, причем, интересно, что «предметностью мышления» характеризуется не все творчество, а выделяется особая сфера «предметной поэзии»: «Сказанное же о моем предметном мышлении, - пишет он, - может в такой же мере быть отнесено к предметной поэзии. Некоторые великие мотивы, легенды, предания седой

---

¹² Чижевский Д.И. Указ. соч. С. 167.

¹³ Там же. С. 168.

¹⁴ Франк С.Л. Живое знание. С. 43.

¹⁵ Гете И.-В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 277.

старинны так глубоко запечатлелись в моей душе, что я уже сорок—пятьдесят лет сохраняю их в себе живыми и действенными; мне казалось лучшим моим достоянием вновь видеть столь ценные картины в воображении хотя постоянно преобразующимися, однако без изменения созревающими для более чистой формы, более ясного изображения. Здесь я хочу только назвать “Коринфскую невесту”, “Бога и баядеру”, “Графа и карликов”, “Певца и детей” и, наконец, скоро имеющего быть сообщенным “Пария”»¹⁶. Думается, что для Франка такой «столь ценной картиной», «живой и действенной», «глубоко запечатленной в душе» становится живо воспринятая им способность Гете видеть и удерживать в воображении целое, которое постоянно преобразуется, но без изменения созревает для более чистой формы, более ясного изображения. Можно сказать, что именно этот феномен «предметного мышления» Гете становится «сверхценной идеей» для Франка, которую он распространит на литературу (статья «Космическое чувство в поэзии Тютчева»), гносеологию – диссертация «Предмет знания», онтологию – «К истории онтологического доказательства», общество – «Духовные основы общества», метафизику – «Непостижимое», историософию – цикл работ по «русскому мировоззрению». Выстраивая свою оригинальную философскую систему и даже характеризуя «русское мирозерцание», он придает качества «предметного мышления» Гете всему «русскому мышлению», «русской философии Всеединства» и, в целом, всему человечеству.

Примечательно, что саморефлексия Гете становится для Франка источником для терминологического развития понятий, как бы их «первофеноменом». Наше внимание привлекла как будто бы оговорка в различных текстах Франка о литературной форме выражения «предметного мышления». У Гете читаем: «Вышесказанным объясняется также моя склонность к *стихотворениям по случаю* (курсив наш – О.Ш.), к которым меня всегда неудержимо побуждало своеобразие какого-нибудь состояния»¹⁷. Подобный термин встречаем у Франка, когда он, выделяя «реализм», «неприятие туманного иррационализма и восторженности», стремление к «полной и живой истине» как основные черты «русского духа», обосновывает приверженность русской философской мысли к несистематической форме выражения: «В России наиболее глубокие и значительные мысли и идеи были высказаны не в систематических научных работах, а в литературной форме. Мы видим здесь художественную литературу, пронизанную глубоким философским восприятием жизни: кроме всем известных имен Достоевского и Толстого, я напому о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Гоголе. Собственной формой русского философского творчества выступает *свободно написанная статья* (курсив наш – О.Ш.), которая крайне редко по-

---

¹⁶ Там же. С. 278.

¹⁷ Гете И.-В. Указ. соч. Там же.

священа определенной философской теме и обыкновенно пишется «по поводу», связанному с какой-либо новой проблемой исторической, политической и литературной жизни, и в то же время затрагивает глубокие и важные мировоззренческие вопросы. Такими, например, были многие произведения славянофилов (их лидеры, Хомяков и Киреевский, принадлежат к оригинальным и значительным русским мыслителям), их главного противника Чаадаева, гениального мыслителя Константина Леонтьева, Владимира Соловьева и многих других»¹⁸. В статье «Русское мировоззрение» повторяется этот пассаж, однако «собственно литературной формой русского философского творчества» на этот раз называется «*свободное литературное произведение*»¹⁹ (курсив наш – О.Ш.).

Этот общий пункт соотношения «свободной» литературной формы для выражения целостного или «предметного» мышления как для научного, так и для литературного творчества также обоснован для Франка само-рефлексией Гете: «Обращаясь теперь к предметному мышлению, которое мне приписывают, - говорит, - я нахожу, что вынужден наблюдать именно тот же образ действия и относительно естественно-исторических предметов. Какой ряд созерцаний и размышлений пришлось мне пройти, пока не возшла во мне идея метаморфоза растений, об этом поведало друзьям мое “Итальянское путешествие”. Точно так же было с понятием, что череп состоит из позвонков»²⁰.

Необходимость объединения гносеологического подхода и онтологического доказательства через категорию «металогического единства», или «Всеединства» в соловьевской традиции, для Франка также базируется на гетевском методе «выведения» или обнаружения источника самооткрывающегося знания: «Побуждаемый этими размышлениями, - замечает Гете, - я продолжал испытывать себя и нашел, что весь мой метод покоится на выведении; я не успокаиваюсь, пока не найду чреватого пункта, из которого я многое могу вывести или, скорее, который *многое добровольно из себя производит и несет мне навстречу* (курсив наш – О.Ш.), и тогда я осторожно и старательно приступаю к делу помощи в трудах и в восприятии. Если встречается в опыте какое-нибудь явление, которое я не могу вывести, я оставляю его лежать в качестве проблемы и в течение моей долгой жизни я нашел этот способ поведения очень выгодным, ибо если я и не мог долго разгадать происхождение и связи какого-нибудь феномена, а должен был оставить его в стороне, то через годы вдруг все оказывалось проявившимся в самой прекрасной взаимосвязи. Поэтому я позволю себе и

---

¹⁸ Франк С.Л. Сущность русского мировоззрения // Русское мировоззрение. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. С. 151.

¹⁹ Франк С.Л. Русское мировоззрение // Русское мировоззрение. СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. С. 163.

²⁰ Гете И.-В. Указ. соч. С. 279.

впредь исторически излагать на этих страницах мои прежние опыты и наблюдения, как и возникающий из них образ мысли»²¹.

Несомненно, что категория «опыта», тем более «духовного опыта» принимается Франком в этом гетевском значении, вне европейской традиции противопоставления субъекта и объекта познания. В «Гносеологии Гете» Франк один из известных афоризмов Гете о символе цитирует в своем переводе: «Истинная символика <...> состоит в том, что частное выражает общее, не как мечта и тень, а как живое мгновенное откровение непостижимого»²². Сравним категории «непознаваемого» / «непостижимого» в других переводах этой максимы, например, у Г.А. Гальперина: «Настоящая символика там, где частное представляет всеобщее не как сон или тень, но как живое мгновенное откровение непознаваемого»²³. Можно предположить, что здесь в сжатом виде уже содержится вся центральная проблематика философии Франка, наиболее полно выраженная им в «Непостижимом».

Быть равновеликим гению Гете, открыть пути гения для других, сделать их самоочевидными истинами – это ли не великая задача для философа? «Гносеологии Гете не чуждо понятие “непознаваемого”, - пишет Франк. Задача человека – “познавать постижимое и тихо почитать неисповедимое”. Даже в самом совершенном познании должен присутствовать элемент смирения перед высшей правдой, недоступной человеку в чистом виде и, так сказать, до последних ее глубин. Но это непознаваемое не “вещь в себе” или “вещь иного мира”, которую Гете признает выдумкой, соответствующей “пустому месту в мозге”. Оно есть как бы математический предел знания, хотя и недостижимый, но все же лежащий в конце его обычного, нормального пути. И именно это конкретно-символическое познание есть высшее и полнейшее доступное нам приближение к истине; <...>. В познании – как выражается в одном стихотворном афоризме Гете – всегда есть нечто безыменное²⁴; сущность вещей невыразима в словах и понятиях, и в этом смысле всегда загадочна, иррациональна; ее улавливает не логика, а лишь одно искусство, которое способно *видеть* и *выразить* то, чего нельзя отвлеченно высказать и определить. Истина есть нечто живое и потому может быть только пережита, но не зарегистрирована и консервирована в логических схемах. Абсолютное, божественное начало не скрыто от нас; оно дано нам в живом откровении; но, подобно солнечному лучу, им нельзя овладеть, как мертвой вещью, его нельзя иметь под руками и обращаться с ним запросто; лишь гениальная интуиция дарует нам благо

---

²¹ Там же. С. 279-280.

²² Франк. Живое знание. С. 45.

²³ Гете И.-В. Указ. соч. С. 353.

²⁴ Далее в сноске Франк цитирует следующее двустишие Гете:

«Wer tiefer sieht, gesteht sich frei

Es ist was Anonymes dabei» (Франк. Указ. соч. С. 47).

непосредственного и неуловимого прикосновения к нему нашего духа»²⁵. Собственно, о той же способности поэзии «воплощать в *ощутительных* образах тот самый высший *смысл* жизни, которому философ дает определение в разумных понятиях, который проповедуется моралистом и осуществляется историческим деятелем, как идея добра»²⁶, говорит Владимир Соловьев в статье «Ф.И. Тютчев». По Соловьеву, «художественному чувству непосредственно открывается в форме осязательной красоты то же самое совершенное содержание бытия, которой философией добывается как истина мышления, а в нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга»²⁷.

Именно с таким идеалом художественного познания подходил Франк и к своим редакторским обязанностям в «Русской мысли». Без этого философского контекста чрезвычайно трудно и опрометчиво каким-либо образом интерпретировать его решения о принятии или отклонении тех или иных рукописей. В обзоре А.А. Гапоненкова «С.Л. Франк: непосредственный и цельный опыт “живого знания”» содержится масса примеров редакторских решений Франка, имевших большое значение для определения путей развития русской литературы в начале XX века. Так, например, чрезвычайно интересным для нашей темы является отзыв Франка на книгу К. Эйгеса «Статьи по философии музыки (М., 1912)». А.А. Гапоненков отмечает, что «Франк намного шире, чем в самом рецензируемом источнике, представил современные проблемы *философии искусства*, будучи удивленным крайним “дилетантизмом” эстетической теории. По мнению рецензента, “художественная жизнь” требует своеобразных категорий для своего осмысления. К сожалению, многие учения эстетики строятся на основе *художественного созерцания и восприятия*. Однако нельзя не заметить в искусстве, казалось бы, несущественное в науке различие между процессом творческого открытия истины и усвоением готового знания. По мысли философа, это главное методологическое требование. Художественное восприятие *слабее* и неполно передает эстетические феномены. Поэтому так важно для эстетики собирать подлинные свидетельства художников о своем творчестве, процессе созидания творений искусства, литературу дневников и писем»²⁸. В этом выводе, на наш взгляд, содержится опыт самого Франка работы с материалами саморефлексии Гете.

В статье «Космическое чувство в поэзии Тютчева» (1913) Франк обосновывает необходимость целостного взгляда на художественное произведение, с онтогносеологической философской позиции определяет

---

²⁵ Там же. С. 47-48.

²⁶ Соловьев В. Ф.И. Тютчев. // Владимир Соловьев. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 287.

²⁷ Там же.

²⁸ Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907-1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. С. 118.

единство формы и содержания как «органическое целое»: «*Что и как поэтического творчества, - пишет он, - темы поэта и его стиль* лишь в своем единстве образуют его “сущность”, его “миросозерцание”²⁹». Именно на материале анализа формы и содержания художественного произведения Франк оттачивает свои аргументы о неадекватности «живому знанию» противопоставления субъекта и объекта: «Вся вообще противоположность между субъективным и объективным моментом, между содержанием самого предмета и формой, которой сознание улавливает, переживает и воспроизводит его, вся эта противоположность лежит за пределами художественного переживания и противоречит его природе. Художественное переживание есть всегда *предметное чувство* (курсив наш – О.Ш.), единство, в котором погашено различие между субъектом и объектом, в котором нет отдельно объективных вещей и субъективных эмоциональных реакций на них, а есть только одно целостное, субъективно-объективное сознание, нечто новое, объемлющее и чувства, и представления, и вырастающее из их взаимопроникновения. <...> Именно органическое единство “субъективного” и “объективного”, эмоционального как и интеллектуально-предметного *что* в художественном сознании и творении ведет к тому, что каждое из них служит как бы выразителем целого»³⁰. Эти соображения казались Франку необходимым предисловием к попытке разобраться в идейном содержании поэзии Тютчева. С одной стороны, он, по мнению Франка, «принадлежит к числу немногих поэтов, соединяющих величайшую яркость и обрисованность объективно-эпического момента поэзии, ее идейного содержания, с исключительной силой и богатством лирико-музыкального ее элемента»³¹, и поэтому в отношении Тютчева «особенно притягателен соблазн выразить его поэзию как “философское миросозерцание”»³². С другой стороны, как считает Франк, «Тютчев обладает изумительным, совершенно исключительным (даже по сравнению с Пушкиным) богатством лирико-музыкального стиля; многообразие и тонкость его ритмики, всякого рода созвучий, подбора слов с их непередаваемым эмоциональным колоритом столь же неотъемлемо принадлежит к внутренней сущности его поэзии, как и ее объективное содержание; и в этом отношении на нем особенно ясно обнаруживается, что поэтическая сущность неисчерпаема до конца ни в каком “миросозерцании”, и что уяснение содержания поэзии должно направляться не на построение из этого содержания философской системы, а лишь на уловление в нем схематических контуров и граней целостного предметного чувства»³³.

---

²⁹ Русское мировоззрение. С. 312

³⁰ Там же. С. 314.

³¹ Там же. С. 318.

³² Там же.

³³ Там же. С. 318-319.

Примечательно, что Владимир Соловьев, говоря о невозможности существования противоречащих друг другу истин – поэтической и научной: «как не может быть двух исключających друг друга “высших благ” или целей существования»³⁴, отмечал правоту Тютчева, который прекрасное осознавал не как вымысел, а «как предметную истину и, чувствуя жизнь природы и душу мира, был убежден в действительности того, что он чувствовал»³⁵. По всей видимости, термин В. Соловьева «предметная истина» восходит к тем же источникам из Гете, которые позднее подробно анализировал Франк. Характеризуя творчество Тютчева, В. Соловьев отмечал обращенность поэзии Тютчева к «смыслу вселенной»: «Конечно, Тютчев не рисовал таких грандиозных картин мировой жизни в целом ходе ее развития, какую мы находим у Гете <...>. Но и сам Гете не захватывал, быть может, так глубоко, как наш поэт, *темный корень* мирового бытия, не чувствовал так сильно и не сознавал так ясно ту *таинственную основу всякой* жизни, - природной и человеческой, - основу, на которой зиждется и смысл космического процесса, и судьба человеческой души, и вся история человечества»³⁶.

Продолжая соловьевскую линию, Франк начинает свой анализ поэзии Тютчева с выделения «предметного чувства» поэта, которое носит, по мысли философа, «космический характер», с одной стороны, оно «реалистично, объективно»³⁷, с другой, «сама душевная жизнь человека ощущается им как область, входящая в порядок объективного бытия и подчиненная космическим силам»³⁸. И эта «непосредственность, с которой такой художник сознает жизненность и одушевленность объективного мира, как такового, - с которой он сразу живет в духовной стихии мира и в себе самом, в своей внутренней жизни, сознает лишь проявление той же стихии, - эта непосредственность мистического реализма есть такой же самоочевидный факт, как и, например, априорность, объективность математического знания»³⁹. В таком установлении «самоочевидного факта» в области истории литературы Франк видит «исходную точку теории искусства»⁴⁰.

Список литературы

1. *Артем-Александров К.В.* Малоизвестная статья С.Л. Франка о восприятии Гете в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15. Выпуск 3. С. 107-117.

---

³⁴ Соловьев В., указ. соч. С. 287.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 288.

³⁷ Русское мировоззрение. С. 320.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 321.

⁴⁰ Там же.

2. Гапоненков А.А. Журнал «Русская Мысль» 1907-1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 2004. 228 с.
3. Гапоненков А.А., Клейменова С.В., Попкова Н.А. Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907-1918 гг. М. : Рус. путь, 2003. - 398 с.
4. Гете Иоганн Вольфганг. Избранные философские произведения / Академия наук СССР. Институт философии . М.: Наука, 1964. 519 с.
5. Кекова С.В. Литературная критика С.Л. Франка // Философское наследие С.Л. Франка и современность. Материалы межд. конф. Сб. науч. ст. – Саратов: Изд. Центр «Наука», 2008. С. 46-55.
6. Назарова О. Немецкие публикации Семена Людвиговича Франка об Александре Сергеевиче Пушкине // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Відп. ред. Г. Аляєв, Т. Суходуб. Полтава: ООО «АСМІ», 2016. С. 490-498.
7. Никулин С.В. С.Л. Франк как историк русской философской культуры : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.03. - Москва, 2007. 127 с.
8. Русское мировоззрение / С.Л. Франк. - СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. 736 с.
9. Соловьев В. Ф.И. Тютчев. // Владимир Соловьев. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: Книга, 1990. С. 283-296.
10. Франк С. Л. <О сущности искусства> // С.Л. Франк. Саратовский текст / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского ; [сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина]. - Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 283 с. С. 168-178.
11. Франк С.Л. Живое знание. - Берлин : Обелиск, 1923. 264 с.
12. Чижевский Дм. Франк как историк философии и литературы // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского ; при участии Н.С. Арсеньева [и др.]. - Мюнхен : [Б. и.], 1954. С. 157-175.